

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ

ЧЕТВЕРГЪ, 20 Іюля 1939 г.

СЕГОДНЯ

21-й г. изд.

ВЫХОДИТЪ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ

№ 198

ЦѢНА НОМЕРА ВЪ ЛАТВІИ 12 САНТ., ВЪ ЛИТВѢ ЗА ОБА ИЗДАНІЯ 30 ЦЕНТ.
РЕДАКЦІЯ, ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦІЯ: RĪGA, DZIRNAVU IELA Nr 57*

Въ домикъ Чехова

(Къ 35-лѣтію со дня смерти писателя).

Въ солнечной Ялты, высоко надъ городомъ, стоитъ на горѣ домъ Антона Павловича Чехова. Въ этомъ домѣ провела писатель последние годы своей жизни, образованной 35 лѣтъ тому назадъ — 15 іюля 1904 г.

Въ 1898 г. большой туберкулезомъ, Чеховъ пріѣхалъ въ Ялту, чтобы поселиться въ ней навсегда. Черезъ годъ, проваливъ «Нить» свои произведенія, онъ купилъ заброшенный виноторгаша възвѣдъ татарскаго джадидскаго, заваленный грудями камней и мусора. Чеховъ мечталъ превратить унылый пустыррь въ зеленый садъ.

Пока закладывали фундаментъ и возводили стѣны, писатель со своей сестрой Маріей Павловной работалъ въ саду, сажалъ берберисты тополя, душистые лианы, сирени, розы... Воду для поливки съ трудомъ носили съ рѣки, протекающей далеко по лѣсу, горы. Чеховъ, по свидѣтельству А. М. Горькова, «любилъ строить, разводить садъ, ухаживать за землею, онъ чувствовалъ вѣзную тѣлу». Съ трогательной радостью встречалъ Чеховъ каждую новую вѣтку, каждый раскрывающійся листъ.

Прошло сорокъ лѣтъ. Чеховскій садъ разросся, и тѣнистая деревня сохранила въ своемъ окрестномъ близкомъ домѣ съ застѣвочной террасой.

Отворивъ чужиную рѣзную калитку, входившій въ маленький дворикъ. Тѣнистая. Шуршащій травой подъ ногами. Вѣтеръ покачиваетъ кусты пижмы. Съ особенными волненіями читатель найдетъ на стѣнѣ дощечки, прибиты къ парадной двери: «А. П. Чеховъ».

Въ домѣ почти все сохранено такъ, какъ было тридцать пять лѣтъ назадъ. Такъ же виситъ на стѣнѣ въ столовой картина въ золоченой рамѣ, изображающая молодую женщину, въ раздумьи облокотившуюся на столъ. Картина называется «Бѣдность». Это работа одновременно умершаго брата писателя — Николая Чехова, талантливаго художника и карикатуриста. Литературная работа Антона Павловича началась съ подписей къ рисункамъ брата.

Вся обстановка столовой очень проста, да каждая вещь имеетъ свою исторію. Вотъ небольшой турецкій диванъ. Часто Чеховъ, придумавшись на диванѣ, сажалъ

зашиплить свои посланія дѣтямъ материки, къ которымъ познакомился во время поѣздки на Сахалинъ. Это же диванъ служилъ обычно постелью для гостей. А гости было много. На piano, на которомъ жила въ покоемъ живая ноты, играли Рахманиновъ, Скрябинъ, Рубинъ, въ большомъ раздѣльномъ столомъ обирались артисты Художественнаго театра, пріѣзжавшіе сюда играть для больного писателя «Чайку», собирались и писатели — Горькій, Купринъ, Маминъ-Сибирякъ.

Пожелѣвшая отъ времени, съ обрванными углами, старая домовая книга да сихъ поръ хранитъ память о людяхъ, остановившихъ въ этомъ домѣ. Некоторые листы запечатаны рукой Чехова.

«Страшная сила его таланта, — писалъ Горькій о Чеховѣ, — именно въ томъ, что онъ никогда ничего не выдумываетъ, онъ самъ не изображаетъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ».

На одной изъ стѣнъ столовой ялтинскаго дома въ застѣвочной рамѣ хранится портретъ изваянный: неизвѣстный чеховецъ на предѣлахъ «Чайки» въ Ялту преподнесъ смущенному писателю два пѣльманы вѣтъ, перевязанные красной лентой съ надписью: «Глубокому истолкователю русской дѣятельности Антону Павловичу Чехову». А на другой стѣнѣ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, висятъ образцы дежурныхъ записокъ, которыми подвѣржились произведенія Чехова въ парное время.

Произведенія Чехова, бѣжавшія людскую пошлость, были не только русскаго, но и европейскаго мѣшанина. Особенно не повезло писателю въ Германію. Въ архивахъ ялтинскаго дома сохранены замѣчательные материалы о судьбѣ чеховскихъ произведеній за рубежомъ. Последніе дни своей жизни писатель провела на германскомъ курортѣ въ Ваденгейеръ. Тогдашняя германская пресса печатала описки на смерть Чехова, говоря о немъ, какъ о воспитателѣ народа и глубокомъ гуманистѣ. Представители же официальной германской государственности отняли покойнаго писателя... нѣтъ судя въ февралѣ 1905 г. Германскій судъ отказать дѣло объ оскорб-

леніи нравственности русскимъ писателямъ Чеховымъ въ разсказѣ подъ заглавіемъ «Въ морѣ».

...Здѣсь же, въ столовой чеховскаго дома, виситъ фотографія сада въ Ваденгейерѣ, въ которомъ любилъ прогуливаться писатель и гдѣ послѣ его смерти было сооружено ему памятникъ на средства Художественнаго театра. Этого памятникъ теперь уже нѣтъ: въ годы мировой войны оны были свергнуты, отправлены въ заводъ Круша и перелиты на снаряды.

Самая оживленная комната въ домѣ — кабинетъ: Тумбочка и столы заставлены на ютъ она было видно море. Теперь въ немъ скрыто разросшимся садомъ.

Какое обиліе всевозможныхъ вещей въ кабинетѣ Тумбочка и столы заставлены подарками друзей писателя. Здѣсь и рисунки зарисъ времени Екатерины II, и мастера официальныхъ макетъ сѣвернаго города зимой, и статуэтка «Григорьевъ», и сапоги искусно выточенные изъ чернаго дерева, которыхъ привезъ самъ писатель съ Пейлана. На стѣнахъ — картины Левитана, Седина и др., многоцѣнная фотографія — Толстого, Горькова съ сыномъ Максимомъ, Чайковскаго, Левитана, артистовъ Художественнаго театра...

Въ этой комнатѣ созданы Чеховымъ разсказы «Въ опарѣ», «Невѣста», пьесы «Григорьевъ» и «Въ шпелѣ сада» — по сценарию произведенія писателя, въ которыхъ завуаловано протѣивіе здоровой, сильной бури, «которая идетъ, уже близка и скоро ударитъ съ нашего общества дѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, глупую скуку».

На письменномъ чеховскомъ столѣ лежитъ небольшой листъ, написанный стрелителнымъ почеркомъ писателя, — это рукопись послѣдняго разсказа «Невѣста». Тутъ же пераспечатанная бандероль — «Каталогъ по садоводству», полученная послѣ отъѣзда большого писателя въ Ваденгейеръ.

Также болѣе Чеховъ продолжалъ работать каждый день. Часто вставалъ изъ въ стола, медленно ходилъ по комнатѣ, долго стоялъ у окна. Въ окна ему являлись близкая татарская лавка, расположенная

околона вилку, на самомъ берегу, и дававшая въ морѣ — рыбачье парусники.

Какъ только Чеховъ поселился въ Ялту, къ нему съ первыми же днями стали приходили бѣдники — татары изъ верхняго города. Чеховъ до послѣднихъ своихъ дней занимался врачебной дѣятельностью. И въ письменномъ столѣ висѣли чернилами лежалъ медицинская трубочка, плевометръ и молоточекъ. До сихъ поръ еще живы въ Ялтѣ старые пациенты писателя, которые вспоминаютъ о добромъ докторѣ Чеховѣ, и въ разгулѣ отъказались въ бесплатномъ лѣченіи. Къ Чехову или пріѣзжавшіе въ Ялту болѣлые туберкулезомъ студенты, учителя, молодые артисты.

«Однажды въ чухонские бѣдники, — писалъ объ этихъ посещеніяхъ Чеховъ Горькому. — Видѣлъ ихъ лица, когда они проходили, и видѣлъ ихъ жалкіе одѣжды, когда они утирали слезы отъ тѣснаго. Мирились строить санаторію, а считали, что воеваніе; считали, что не закону другого средства». Если можно, прибавляйте еще: не воеваніе черезъ нисколько и санаторію гавети, гдѣ у васъ есть знакомства и связи. Можете быть принахотъ что нибудь...»

Возвращеніе было рассказано въ мои походы Россіи. Многие отозвались. Къ собранной суммѣ Чеховъ добавилъ пять тысячъ рублѣ, и ядѣсь-же, въ верхній Ялтѣ, была построена первая санаторія для туберкулезныхъ болѣлыхъ — «Дуванъ».

Задержавшіе еще въ чеховскомъ кабинетѣ вѣзды двери, ведущей въ садикъ, — здѣсь старомодный телефонъ. Во время первой постановки «Чайки» въ Художественномъ театрѣ въ Москвѣ въ Ялту посылали телеграммы послѣ каждого дѣйствія. Телеграммы передавались съ городской почты по телефону. Чехову недовольно въ тотъ вечеръ, онъ лежалъ въ постели. Но когда раздавался звонокъ, вполголосомъ подходилъ къ телефону, рясня разъ забывая надѣть халатъ и туфли...

Рыбная дверь ведетъ въ кабинетъ въ садикъ. На окнахъ были садовыя. Въ простѣлѣхъ отстояла старинная литературная перожама пинофера изъ краснаго дерева. Когда-то Евгенія Яковлевна — мать писателя — хранила въ ней конфекты и вѣрнее. По вечерамъ сынъ Антона отъ братины и сестрой собирались вѣзды нѣ въ ожиданіи угощенія. И тогда же приуменьшали — ея названіе — «свогорукажамскій шкафъ».

Кровать писателя — железная, покра-

та бѣлымъ тканевымъ одѣяломъ. Чеховъ работалъ на ней лежа, во время прикутовъ болячки и въ холодные вечера. Въ бурные ночи, когда громыхало желью на крышѣ, въ маленькомъ домикѣ отголоску дуло. Писатель никакъ не могъ согрѣться. Начиная тяжелый ознобъ. Чеховъ надѣвался пальто, шапку, ложился на кровать подъ одѣялъ и только тогда продолжалъ работать.

Въ одну изъ такихъ ночей повзвонилъ стукъ. Простотный звонокъ въ морскомъ палатѣ и гудѣхъ башмакахъ хотѣлъ немедленно видѣть Чехова. Онъ прошелъ въ шкафу 50 версты. Это былъ учитель лѣтъ шикомъ въ деревнѣ Мухоматъ, близъ Ваденгейеръ, вѣзды софъ.

— Школу закрываютъ... Нѣтъ дѣтей. Что дѣлать?

Чеховъ досталъ свои послѣдніе 500 рублѣ — только что полученный гонораръ — и вручилъ учителю. Вспомятивъ въ этой же деревнѣ Чеховъ построилъ вторую школу, которая носитъ теперь его имя.

Чеховъ покинулъ свою ялтинскую домъ 4 мая 1904 г. Онъ не вернулся въ него. На небольшомъ столикѣ вѣзды кровати, какъ и 35 лѣтъ назадъ, съ закладкой внутри, лежатъ недочитанный журналъ.

Надъ кроватью — отрывной календарь съ майской датой 1904 г.

Но болѣе шикаристъ напоминаніе о движеніи времени. Его посылалъ въ садъ въ тотъ день смерти писателя. Теперь пикиръ 35 лѣтъ. Онъ переросъ домъ. Стройный и блѣдно зеленый, онъ стоитъ, возмывающъ надъ садомъ.

И неузнаваемо все измѣнилось вокругъ. Послѣ смерти Антона Павловича домъ опустѣлъ. Чеховъ небыстроты успѣлъ хладомъ сестры писателя, Маріи Павловны Чеховой, снести его сначала отъ продажи и затѣмъ отъ расхищенія.

И теперь, спустя 35 лѣтъ послѣ смерти А. П. Чехова, студенты, школьники, рабочіе, люди самыхъ различныхъ возрастовъ и профессій стремятся побывать въ домѣ любимого писателя. Часо экскурсоводы расстѣтъ съ каждымъ годомъ. Ово давно переросло уже на 40 тысячъ въ годъ.

Въ этомъ музѣе сохранила удивительная атмосфера любви, сердечнаго тепла и ощущенія далекой, но живой и кипучей жизни. Это ощущеніе настолько реально, что почти вѣсь явились въ книгѣ впечатлѣній говорятъ именно объ этомъ.

НАТАЛЬЯ МАКАРОВА.

Ялта. Іюль 1939 г.